

Лилия Тимолаева

МУЖ
СТИРАЛ
МНЕ ПАМЯТЬ

ЖЕНА ОРКА
ПО ДОГОВОРУ

Лилия Тимолаева

**Муж стирал мне память.
Жена орка по договору**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Муж стирал мне память. Жена орка по договору / Л. Тимолаева —
«Литнет», 2026

Я семь лет была уверена, что знаю собственного мужа. Пока не нашла записку, написанную моей рукой: «За последний год ты шесть раз пыталась уйти от Леонарда Кросса». Я не помню ни одной попытки. Зато понимаю главное: после каждой из них из моей памяти исчезало то, что заставляло меня уйти. В седьмой раз я должна сделать то, чего Леонард не ожидает. Стать женой другого. Точнее — орка. Орган Грейр, глава пограничного рода, согласен на годовой брак по договору. Ему нужен переводчик. Мне — защита. Никаких чувств, никаких супружеских обязанностей и никаких решений друг за друга. Только Леонард не собирается меня отпускать. А память возвращается. Вместе с ней — правда о мужчине, которого я любила семь лет. И теперь мне предстоит понять, кому можно доверять, если однажды любовь уже стала для меня клеткой.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Записка, которой я не помню	5
Глава 2. Седьмая попытка уйти	18
Глава 3. Жена орка по договору	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Записка, которой я не помню

Записку я нашла в собственном письменном столе, хотя была уверена, что знаю в нём каждую царапину, каждый тугий ящик и даже то место, где дерево чуть вздулось после сырой зимы три года назад.

В тот день я собиралась закончить перевод до возвращения Леонарда. Ничего важного: несколько страниц торгового соглашения, написанного на старом степном наречии, которым чиновники пользовались всякий раз, когда хотели придать обычной сделке вид исторического события. Я провела за столом большую часть дня и к вечеру начала злиться на орочьего писца, который употреблял одно слово сразу в трёх значениях. Когда перо выскользнуло из пальцев и укатилось за нижний ящик, я раздражённо отодвинула кресло, вытащила ящик до упора и полезла за ним рукой.

Пальцы вместо пера нащупали сложенную бумагу.

Сначала я решила, что когда-то сама уронила туда черновик. Между задней стенкой стола и деревянной панелью оставалась узкая щель, куда вполне мог провалиться лист. Однако бумага была сложена аккуратно, несколько раз, а сверху её удерживала тонкая льняная нить.

Я разрежала нить ногтем и развернула лист.

Первые слова заставили меня перечитать строку дважды.

«Агния, если ты нашла это письмо, сначала закрой дверь».

Я подняла глаза на дверь кабинета.

Она стояла открытой.

Из коридора доносились обычные звуки дома: кто-то из слуг прошёл по лестнице, на первом этаже звякнула посуда, со двора донёсся смех конюха. Ничего не происходило, но после прочитанной строчки оставлять дверь открытой внезапно показалось неправильным.

Я подошла к ней, выглянула в коридор и закрыла.

Лишь потом вернулась к столу.

Следующая строчка начиналась с моего имени.

«Не пугайся раньше времени. Сначала проверь почерк».

Я усмехнулась, хотя смешного в этом не было.

Тот, кто писал письмо, прекрасно меня знал.

Переводчик рано или поздно начинает относиться к почерку как к лицу человека. Я могла не помнить имя мелкого чиновника из приграничной канцелярии, но, увидев его размашистую букву «к» или привычку давить пером в конце строки, узнавала автора спустя годы.

Я положила рядом лист со своим сегодняшним переводом.

Сравнение заняло меньше минуты.

Буква «д» в слове «дверь» уходила вниз той же вытянутой петлёй. В слове «сначала» первая буква слегка наклонялась влево — старая привычка, от которой я никак не могла избавиться. После запятых оставалось характерное узкое расстояние, а в конце длинной строки последние буквы становились мельче, потому что я всегда пыталась вмести́ть слово целиком.

Письмо написала я.

От этого вывода стало неприятно, однако настоящего страха ещё не было. У происходящего наверняка существовало объяснение. Возможно, несколько месяцев назад я решила спрятать какую-то запись и забыла об этом. Странно, но не невозможно. За последние годы через мои руки проходили сотни документов; случалось находить в книге записку и не помнить, когда я её оставила.

Я продолжила читать.

«Если почерк совпал, пожалуйста, дочитай до конца и не иди к Леонарду с вопросами. Я знаю, что именно это тебе захочется сделать. Я тоже хотела».

Рука, лежавшая на краю стола, непроизвольно сжалась.

Теперь мне уже не нравился тон письма.

Я прочитала следующую строчку медленнее.

«Ты любишь мужа. Именно поэтому всё происходило так долго».

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно.

За стеклом начинало темнеть. В конце лета вечера приходили незаметно: ещё недавно сад был залит солнцем, а теперь между деревьями собирались длинные тени. Леонард должен был вернуться после шести. У меня оставалось достаточно времени, чтобы закончить перевод, привести бумаги в порядок и спуститься к ужину.

Вместо этого я сидела перед письмом, содержание которого становилось всё более нелепым.

Я снова опустила взгляд.

«За последний год ты шесть раз пыталась уйти от Леонарда Кросса».

Я дочитала предложение до точки и почувствовала раздражение.

Даже не страх — именно раздражение, потому что кто-то, пусть даже я сама, утверждал очевидную глупость.

Я не пыталась уходить от мужа.

Мы были женаты семь лет. Ссорились, конечно. Иногда Леонард раздражал меня до такой степени, что я уходила работать в другую комнату и закрывала дверь перед самым его носом. Однажды в первые годы брака я даже провела ночь у подруги после особенно неприятной ссоры из-за моей поездки на Север.

Но уйти совсем?

Я бы помнила.

Есть решения, которые невозможно потерять среди обычных дней, как теряют перчатку или забывают содержание случайного разговора.

На полях письма стояли шесть дат.

Я узнала каждую, потому что все относились к последним одиннадцати месяцам.

Первая — конец прошлой осени.

В тот день мы с Леонардом принимали у себя двух представителей торгового совета. Я переводила разговор с орочьим купцом, который требовал вернуть старое право караванов проходить через западные ворота. После ужина у меня болела голова от бесконечных споров о пошлинах, и Леонард ещё шутил, что однажды я начну разговаривать с ним исключительно на орочьем.

Вторая дата стояла в середине зимы.

Я хорошо помнила тот день. Утром выпал снег, и Леонард задержался дома. Мы завтракали в малой гостиной, спорили о новой обивке кресел и в конце концов так ни о чём не договорились.

Третья дата приходилась на начало весны.

Четвёртая — на месяц позже.

Пятая...

Я остановилась.

С этой датой было что-то не так.

Не потому, что она вызывала воспоминание. Напротив, я никак не могла понять, что происходило в тот день.

Обычно память цепляется хотя бы за мелочи: погоду, разговор, работу, письмо, которое пришлось переводить до полуночи. Здесь оставалось ровное пустое место между предыдущим вечером и следующим утром.

Я попыталась представить тот день подробнее, и в сознании возникла наша спальня, свет из окна, Леонард возле шкафа. Он что-то говорил мне о поездке министра. Дальше воспоминание обрывалось, а следующее начиналось уже с утра.

Такое могло случиться.

Люди не запоминают каждый час своей жизни.

Но после письма обычный пробел выглядел иначе.

Я заставила себя дочитать страницу.

«Если сейчас ты решила, что я ошиблась или сошла с ума, посмотри на нижнюю сторону третьего ящика. Там должно быть слово. Я вырезала его ножом после шестой попытки, потому что боялась, что письмо найдут».

Я медлила всего несколько секунд.

Затем вытащила третий ящик.

Перевернуть его оказалось неудобно; пришлось снять бумаги и поставить деревянный короб на стол. На нижней стороне сначала ничего не было видно, но, когда я повернула его к окну, свет лёг на неглубокие царапины.

Одно слово.

«ВСПОМНИ».

Я провела по буквам подушечкой пальца.

Дерево вокруг зарубок уже слегка потемнело. Их оставили не сегодня и не вчера.

Я не помнила этого.

Слово было вырезано моей рукой — не почерком, разумеется, но я узнала характерную особенность: последняя буква чуть уходила вверх. Так я рисовала её ещё в школьных тетрадях.

В кабинете стало душно.

Я подошла к окну и открыла створку. С улицы потянуло прохладой, запахом влажной земли и поздних цветов. Несколько мгновений я стояла у подоконника, стараясь успокоиться и вернуть происходящему разумные границы.

Письмо могла написать я.

Слово могла вырезать я.

Оставался главный вопрос: зачем?

Самый очевидный ответ пугал, поэтому я упрямо искала другие. Возможно, со мной произошло событие, после которого воспоминания перепутались. Возможно, я играла в какую-то странную игру сама с собой. Возможно, речь шла вовсе не о том, чтобы покинуть Леонарда навсегда, а о нескольких вспышках гнева, которым я позднее перестала придавать значение.

Однако письмо не оставляло такого пространства для толкования.

Я вернулась к столу.

«Шесть раз ты собирала вещи. Четыре раза добралась до ворот. Дважды уехала из дома. После каждой попытки ты оставалась рядом с Леонардом и вскоре переставала помнить, почему хотела уйти».

Слова были аккуратными. Никаких истеричных подчёркиваний, никаких размашистых букв.

Я писала так, когда очень старалась быть точной.

Именно это тревожило сильнее всего.

Если бы письмо было исповедью перепуганной женщины, я могла бы списать его содержание на эмоции. Передо мной лежала запись человека, который заранее предполагал собственное недоверие и оставлял проверяемые доказательства.

Внизу страницы имелось ещё одно указание:

«Не ищи сразу всё. Начни с зелёного дорожного платья. В левом внутреннем шве спрятан ключ. Если ключа там нет, не оставайся одна с Леонардом».

Я свернула письмо и сунула его в карман.

По дороге в спальню поймала себя на том, что прислушиваюсь к шагам в коридоре. Это раздражало. Я находилась в собственном доме, среди людей, которых знала годами, и всё же уже вела себя так, словно совершала что-то запретное.

Гардеробная примыкала к спальне. Зелёное платье висело в самом конце, за двумя парадными нарядами, которые я редко надевала. Я помнила, как покупала ткань вместе с Леонардом. Он выбрал цвет, я спорила, что он мне не идёт, а потом признала, что ошиблась.

Я сняла платье и нашла внутренний шов под левым рукавом.

Вначале ничего необычного не заметила. Только через несколько минут увидела участок, где нитка отличалась оттенком. Шов распарывали и зашивали заново.

Внутри лежал маленький ключ.

Тогда мне впервые по-настоящему стало страшно.

Не настолько, чтобы закричать или броситься из дома, но достаточно, чтобы перестать искать объяснения каждому отдельному совпадению.

Ключ был реальным.

Платье тоже.

А я не помнила, как прятала его.

Я села на край кровати и несколько секунд рассматривала маленький кусок металла на ладони. Вокруг оставалась привычная спальня: кровать под светлым балдахином, два кресла возле окна, книжный шкаф Леонарда, моё зеркало, серебряная шкатулка на туалетном столике. В этом доме не было тайных подземелий, запертых башен и мрачных слуг, которые боялись смотреть хозяину в глаза.

Здесь была моя жизнь.

Я знала, какая ступень скрипит на главной лестнице и в каком окне первым появляется солнце зимой. Знала, что Леонард оставляет книги раскрытыми корешком вверх, хотя я сотню раз просила его так не делать. Знала, где он хранит запасные перья, потому что постоянно забывал покупать новые.

Можно жить с человеком семь лет и ошибаться в нём.

Но можно ли семь лет ошибаться в собственной памяти?

Я спрятала ключ в ладони и вернулась в кабинет.

В письме не было указано, какую дверь он открывает. Я перечитала последние строки и обнаружила на обороте маленькую приписку, которую раньше не заметила:

«Нижний шкаф в переводческой комнате. После этого остановись. Не пытайся узнать всё за один день. В прошлый раз именно так ты выдала себя».

Я задержала взгляд на последних двух словах.

Выдала себя.

Кому?

Леонарду?

Другого ответа письмо не предлагало.

Переводческая комната находилась через коридор. Её выделили мне пять лет назад, когда работа стала занимать столько места, что спальня и гостиная начали заполняться свитками, словарями и картами. Леонард сам приказал поставить туда большие шкафы и длинный стол под окном.

Он всегда поддерживал мою работу.

Именно благодаря ему мне не пришлось выбирать между браком и профессией, как многим знакомым женщинам. Когда один из придворных однажды заметил, что жене дипломата неприлично проводить дни среди орочьих послов, Леонард ответил ему при всех, что его жена за час приносит короне больше пользы, чем тот за год.

Я тогда любила его особенно сильно.

Воспоминание возникло настолько ясно, что мне захотелось остановиться.

Если письмо лгало, я сейчас превращала хороший брак в собственный кошмар.

Если говорило правду, хорошие воспоминания ничего не доказывали.

Ключ подошёл к нижнему шкафчику.

Внутри лежала только одна вещь — тонкая тетрадь в серой тканевой обложке.

На первой странице моим почерком было написано:

«Для Агнии. Читать только после письма».

Я села за стол.

Тетрадь оказалась не дневником. В ней не было длинных записей о чувствах, ссорах или жалобах. Я оставляла себе короткие заметки, каждую с датой и несколькими конкретными подробностями.

Первая относилась к зиме.

«Сегодня утром я обнаружила, что не помню поездку в Ремар. Леонард утверждает, что мы провели там три дня. У Марты есть платье, испачканное красной глиной. Такая глина встречается возле Ремара. Я не помню ни дороги, ни города».

Следующая запись:

«Эмма сказала, что я приходила к ней ночью и просила разрешения остаться. На следующее утро я вернулась домой. Я помню, что всю ту ночь была с Леонардом».

Я перечитала строчку.

Эмма.

Моя ближайшая подруга.

Если кто-то и мог подтвердить происходящее, это она.

Я перевернула страницу.

«Не спорь с Леонардом сразу. Он умеет объяснить каждое отдельное событие так, что ты начинаешь сомневаться в себе. Записывай только то, что можно проверить».

Здесь я остановилась.

Фраза была неприятной, потому что узнавала в ней себя.

Я действительно могла спорить яростно, но, если Леонард приводил разумные доводы, обычно начинала искать ошибку в собственных выводах. Так происходило не из-за страха перед ним. Я уважала его ум.

По крайней мере, всегда считала, что причина именно в этом.

Дальше шли три коротких записи, одна из которых заставила меня долго смотреть в страницу.

«Если я снова забуду сегодняшнюю ссору, значит, дело не в усталости. Я сказала Леонарду, что хочу уехать. Он ответил: “Утром ты будешь думать иначе”.»

Я не помнила этих слов.

Не помнила ссоры.

Не помнила желания уехать.

На следующей странице стояла дата трёхмесячной давности и всего одна фраза:

«Утром я действительно думала иначе».

Я закрыла тетрадь.

В комнате раздался бой часов.

Пять.

До возвращения Леонарда оставался примерно час.

Мысль о его скором приходе впервые за годы заставила меня посмотреть на дверь.

В эту секунду мне захотелось сделать именно то, что запрещало письмо: дожидаться мужа, положить перед ним тетрадь и потребовать объяснений. Я знала его лицо, когда он лгал из вежливости на дипломатических приёмах. Знала, как он отворачивает голову, если не хочет отвечать. Мне казалось невозможным, что он сумеет выдержать прямой вопрос о подобном.

Но женщина, написавшая письмо, тоже знала Леонарда.

И всё же просила меня молчать.

Я спрятала тетрадь обратно, заперла шкаф и задумалась, куда деть ключ. Возвращать его в платье не хотелось. Если я и правда уже проходила через всё это раньше, повторять прежние действия было бессмысленно.

В конце концов я спрятала ключ в старый словарь западного орочьего наречия. Корешок давно отходил от переплёта, оставляя узкую полость, куда небольшой предмет вошёл без труда.

Письмо осталось при мне.

Я собиралась вернуться в кабинет, когда встретила в коридоре Марту.

Она несла сложенное бельё и при виде меня остановилась.

— Госпожа Агния, я как раз хотела вас найти. Экипаж больше не нужен?

Вопрос прозвучал буднично, но я не поняла его.

— Какой экипаж?

— К госпоже Вальд.

— К Эмме?

— Да. Вы велели подать к четырём.

Я посмотрела на окно в конце коридора. За ним уже сгустился вечер.

— Я ничего не велела.

Марта растерялась.

— Простите, госпожа. Наверное, я неверно поняла.

— Когда я это сказала?

Она нахмурилась, вспоминая.

— Утром. После завтрака.

Я хорошо помнила утро.

Мы с Леонардом завтракали вдвоём. Потом он уехал, а я поднялась в кабинет. До полудня работала над переводом. После полудня разбирала письма.

Никакого разговора с Мартой об экипаже в памяти не было.

— И потом я его отменила?

— Да.

— Когда?

Теперь горничная выглядела ещё менее уверенно.

— Когда господин Кросс приезжал днём.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осмыслить услышанное.

— Леонард приезжал домой?

— Да, госпожа.

— Во сколько?

— Около половины первого.

— И я его видела?

Марта переставила бельё в руках.

— Конечно. Вы разговаривали в малой гостиной.

Я почувствовала неприятное давление в груди.

Сегодняшний день я помнила хорошо. До того момента, когда нашла письмо, он ничем не отличался от десятков других рабочих дней.

Леонард утром ушёл в канцелярию.

Вернуться обещал вечером.

Между этими двумя событиями не было его дневного приезда.

— Долго мы разговаривали?

— Минут двадцать, может, немного больше. Потом господин Кросс снова уехал, а вы попросили отменить экипаж.

— Что ещё я делала?

Марта теперь смотрела на меня с тревогой.

— Госпожа Агния, всё в порядке?

Я заставила себя улыбнуться.

— Разумеется. Увлеклась переводом и, кажется, совсем потеряла счёт времени.

Она приняла объяснение, хотя по выражению лица было понятно, что не до конца поверила.

— Тогда я пойду.

— Марта.

Она остановилась.

— Я... что-нибудь говорила после разговора с Леонардом?

— Кажется, нет.

— Я выглядела расстроенной?

Горничная помедлила.

— Вы попросили, чтобы вас никто не беспокоил.

— И всё?

— Ещё спросили, когда вернётся господин Кросс.

— Что именно я спросила?

— Успеет ли он вернуться до шести.

По спине прошёл холод.

Я действительно весь день знала, что Леонард вернётся примерно в шесть.

Но откуда?

Утром он говорил, что задержится.

Я помнила это отчётливо.

Он стоял у зеркала в прихожей, застёгивал сюртук и сказал:

— Не жди меня к ужину. Совет может затянуться.

Я даже пошутила, что тогда съем десерт одна.

Почему же после дневного разговора я спрашивала, появится ли он до шести?

— Спасибо, Марта.

Горничная ушла, а я вернулась в кабинет и закрыла дверь.

Только теперь я позволила себе достать письмо ещё раз.

Внизу страницы оставалась одна последняя строчка:

«Самое опасное начнётся, когда ты поймёшь, что теряешь не прошлые дни. Ты можешь потерять сегодняшний».

Я села.

С этой минуты письмо перестало быть странностью из прошлого.

Леонард приезжал несколько часов назад.

Я говорила с ним.

После этого отменила встречу с Эммой.

И не помнила ничего.

Я попыталась восстановить время между полуднем и двумя часами.

На столе лежал перевод. На полях возле шестого абзаца была моя пометка, сделанная примерно в середине работы. Я помнила, как писала её. Затем шла следующая страница, исправленная другим цветом чернил.

Я не помнила, когда сменила чернильницу.

Мелочь.

Раньше я бы даже не заметила.

Теперь начала искать другие.

На подоконнике стояла чашка, хотя я не помнила, чтобы просила её принести. Рядом лежал платок Леонарда — тёмный, с вышитыми инициалами. Я видела его утром в кармане его сюртука.

Он действительно был здесь.

Я взяла платок и провела пальцами по вышивке.

Перед глазами возникло лицо мужа.

Не страшное.

Не жестокое.

Родное.

Я помнила Леонарда молодым, ещё до того, как в его волосах появилась первая серебряная нить возле виска. Помнила, как он ждал меня под дождём возле дома тёти, потому что я опоздала на встречу на целый час. Как впервые услышал мой спор с орочьим послом и потом признался, что половину разговора не понял, зато окончательно решил на мне жениться.

Мы были счастливы.

Эту мысль я не могла выбросить только потому, что нашла письмо.

В первые годы денег не хватало, зато мы постоянно смеялись. Леонард занимал должность, которая приносила больше надежд, чем дохода, а я переводила всё, что попадалось, от торговых соглашений до частных писем. Вечерами мы сидели на кухне маленького съёмного дома и строили планы, которые тогда казались огромными.

Потом его карьера пошла вверх.

Моя тоже.

Мы переехали сюда.

Появились слуги, приёмы, официальные ужины, отдельные кабинеты, приглашения во дворец.

Когда именно между нами что-то изменилось?

Я не знала.

Возможно, ничего и не менялось, а письмо заставляло меня переоценивать обычные вещи.

Эта возможность оставалась.

Мне хотелось в неё верить.

Я вспомнила Эмму.

До её дома было меньше четверти часа на экипаже. Я могла поехать прямо сейчас и спросить о ночном визите, упомянутом в тетради.

Но письмо предупреждало: не делать резких шагов.

Я не знала, почему прежняя Агния боялась выдать себя, однако сегодня решила впервые ей довериться.

До шести оставалось сорок минут.

Я спрятала письмо в подкладку рабочей папки и вернула кабинету обычный вид. Ящик задвинула, перевод разложила поверх других бумаг, чернильницу переставила на привычное место. Даже перо, из-за которого всё началось, наконец достала из-за стола.

Только слово, вырезанное под ящиком, никуда не исчезло.

Когда я спустилась вниз, дом уже готовился к ужину.

Я попросила ничего не менять в обычном распорядке. Если Леонард действительно способен заметить мои сомнения, то самое разумное — не давать ему повода.

В гостиной меня ждала ещё одна мелочь.

На маленьком столике возле кресла лежала карточка Эммы.

Я взяла её.

На обороте подруга написала:

«Агния, я больше не стану делать вид, что ничего не происходит. Если сегодня снова передумаешь приехать, завтра я приду сама».

Я прочитала сообщение дважды.

Снова.

Значит, встречи отменялись и раньше.

Воспоминание неожиданно подсказало мне разговор месячной давности. Мы с Эммой сидели в кофейне возле набережной, и она сердито сказала:

— Ты обещаешь приехать, а потом исчезаешь. Даже записки не оставляешь.

Я тогда рассмеялась и ответила, что она преувеличивает.

Эмма посмотрела на меня с таким выражением, которое я тогда приняла за обиду.

Теперь вспоминала иначе.

В прихожей открылась входная дверь.

Голоса слуг изменились. Я сразу узнала спокойный баритон Леонарда, хотя не слышала слов.

Внутри всё сжалось.

Я ненавидела себя за эту реакцию.

Семь лет я радовалась звуку его шагов.

Сегодня впервые захотелось, чтобы он задержался.

Леонард появился в гостиной через несколько минут.

Он выглядел уставшим, но всё равно безупречно собранным. Тёмный сюртук подчёркивал широкие плечи, светлые волосы были зачёсаны назад, только у виска выбилась прядь. В одной руке он держал перчатки, второй уже расстёгивал воротник.

Увидев меня, улыбнулся.

— Ты дома.

В этих двух словах не было ничего особенного, но я сразу вспомнила отменённый экипаж.

— А где мне ещё быть?

— У Эммы. Разве ты не собиралась?

Я внимательно следила за его лицом.

— Передумала.

— Так и подумал.

Он подошёл, наклонился и поцеловал меня в висок.

Обычный жест.

Я знала запах его одежды после улицы, знала лёгкое касание губ, знала, что через несколько секунд он спросит, закончила ли я перевод.

Так и произошло.

— Победила орочьего писца?

— Мы заключили перемирие.

— Значит, завтра он снова проиграет.

Я улыбнулась.

Улыбка получилась настоящей, что неожиданно причинило боль.

Передо мной стоял мой муж. Человек, которого я знала лучше всех.

Или думала, что знала.

Леонард сел напротив и начал снимать перчатки.

— Ты сегодня выглядишь усталой.

— Долгий перевод.

— Марта сказала, ты весь день почти не выходила из кабинета.

Я почувствовала, как напряглась спина.

Почему Марта рассказывала ему о моём дне?

Впрочем, ничего необычного в этом тоже не было. Леонард всегда спрашивал, как прошёл мой день, если возвращался поздно.

— Не весь.

— Знаю. Днём я тебя отвлёк.

Он произнёс это без малейшего колебания.

Я смотрела на его руки.

— Кстати, зачем ты приезжал?

Леонард поднял глаза.

— За папкой из кабинета. Я утром забыл её.

— Мы долго разговаривали?

Вопрос был опасным, но естественным.

Он задумался.

— Минут двадцать.

— О чём?

Теперь появилась небольшая пауза.

Не настолько долгая, чтобы обвинять его во лжи, однако я её заметила.

— Об Эмме. Ты снова собиралась к ней.

— И передумала после разговора с тобой?

— По-моему, да.

— Почему?

Леонард нахмурился.

— Агния, ты допрашиваешь меня?

Я заставила себя усмехнуться.

— Пытаюсь восстановить день. Представь себе, совершенно не помню твоего приезда.

Тревога на его лице появилась мгновенно.

Он подался вперёд.

— Совсем?

— Совсем.

— Даже разговор в гостиной?

Я покачала головой.

Леонард некоторое время молчал, и это молчание было хуже любой поспешной попытки оправдаться.

— У тебя раньше бывало подобное? — спросила я.

— Ты имеешь в виду, забывала ли ты разговоры?

— Да.

Он отвёл взгляд к окну.

Я знала этот жест.

На переговорах Леонард так делал, когда хотел подобрать особенно точную формулировку.

— Пару раз ты жаловалась, что не можешь вспомнить какую-нибудь мелочь, — сказал он. — Я не придавал этому значения.

— Какую именно мелочь?

— Не помню.

Ответ прозвучал иронично, и раньше я бы рассмеялась.

Сегодня не получилось.

Он заметил.

— Что произошло?

— Ничего.

— Агния, я вижу, когда ты врёшь.

— Я не вру.

— Тогда недоговариваешь.

Леонард поднялся и подошёл к моему креслу.

Я инстинктивно хотела отодвинуться, но заставила себя остаться на месте.

Он коснулся моего плеча.

— Посмотри на меня.

Я подняла лицо.

В его серых глазах была тревога. Настоящая или прекрасно сыгранная — я не могла определить, и от этой мысли стало ещё тяжелее.

— Ты меня пугаешь, — сказал он.

— Это я тебя пугаю?

— Ты сидишь бледная, задаёшь вопросы о разговоре, который состоялся несколько часов назад, и уверяешь, что всё нормально.

Он был прав.

Именно это являлось самым страшным.

Леонард всегда умел быть правым.

— Может, я действительно заработалась.

— Тогда завтра останешься дома.

Фраза прозвучала привычно.

Я посмотрела на него.

— Я сама решу.

Он слегка поднял брови.

— Конечно.

На мгновение между нами повисло напряжение, происхождение которого невозможно было объяснить одним предложением.

Раньше подобные разговоры случались. Леонард любил распоряжаться. Я любила спорить. Обычно через несколько минут кто-нибудь из нас уступал, после чего мы смеялись.

Сегодня его предложение воспринималось иначе только потому, что в кармане рабочей папки наверху лежало письмо моей рукой.

— Я поеду завтра к Эмме, — сказала я.

— Если хочешь.

— Хочу.

— Тогда поезжай.

Ответ оказался настолько спокойным, что мне стало стыдно за подозрения.

Возможно, всё действительно имело другое объяснение.

Я слишком быстро начала видеть угрозу там, где её не было.

Леонард взял мою руку и поцеловал пальцы.

— Давай сегодня не будем ни о работе, ни о памяти. Поужинаем, а потом я заставлю тебя лечь раньше обычного.

— Опять распоряжаешься.

— Предлагаю с убедительностью мужа, которого семь лет игнорируют.

— Пять.

— Семь.

— Первые два года я была покладистой.

— Агния, в первый месяц брака ты выгнала меня из спальни за то, что я переложил твои словари.

Я рассмеялась.

Сцена всплыла в памяти отчётливо: маленькая комната, стопка книг на полу, возмущённый Леонард в дверях. Тогда мы помирились ещё до полуночи.

Счастье тоже было настоящим.

Я не могла поверить, что человек способен подменить семь лет жизни одним кошмаром.

Ужин прошёл спокойно.

Мы разговаривали о людях, которых оба знали, спорили о предстоящем приёме, смеялись над ошибкой чиновника, который в официальном письме перепутал два орочьих слова и вместо «уважаемый вождь» написал нечто близкое к «почтенный козёл».

Леонард был таким, каким я его помнила.

Иногда я забывала о письме на целые минуты.

Потом случайная деталь возвращала тревогу.

Он знал, что я сегодня собиралась к Эмме.

Знал о дневном разговоре.

Знал о моих прежних провалах.

И ничего из этого не казалось ему странным.

После ужина мы поднялись наверх.

Обычно я ещё несколько часов работала, но сегодня не могла сосредоточиться. Леонард ушёл в спальню переодеться, а я задержалась в коридоре возле окна.

В саду зажгли фонари.

Если бы я захотела уйти сейчас, никто бы меня не остановил.

Эта мысль пришла неожиданно.

Я могла взять плащ, выйти через парадную дверь и поехать к Эмме.

Почему же женщина из письма шесть раз пыталась сделать это и каждый раз оставалась?

Из спальни донёсся голос Леонарда:

— Агния?

Я вошла.

Он стоял возле шкафа без сюртука, в светлой рубашке, и держал в руках какую-то книгу.

— Нашёл на твоей стороне кровати.

— Значит, моя.

— Поразительная логика.

Я забрала книгу.

Наши пальцы соприкоснулись.

В этот момент ничего не произошло.

Я даже почувствовала облегчение.

Леонард улыбнулся, потом посмотрел на мою руку.

— Опять перекрутилось.

— Что?

— Кольцо.

Я опустила взгляд.

Старое серебряное кольцо действительно повернулось камнем к ладони. Оно сидело чуть свободнее, чем несколько лет назад, и иногда съезжало.

Леонард протянул руку.

— Дай поправлю.

Я могла сделать это сама.

Однако раньше он сотни раз касался моего кольца, и мысль отдёргнуть руку показалась нелепой. Я почти позволила ему коснуться серебра, когда заметила выражение его лица.

Ничего особенного.

Сосредоточенный взгляд человека, который собирается поправить украшение на пальце жены.

Его большой палец лёг на край кольца.

В ту же секунду спальня исчезла.

Я увидела ту же комнату, но в ней было темно, а на мне было зелёное платье, которое сегодня висело в гардеробной. Я стояла возле двери и пыталась выдернуть руку из чужой хватки, хотя человек передо мной не был чужим.

Это был Леонард.

Его лицо искажала такая тревога, какой я никогда прежде на нём не видела. Он что-то говорил, но слова терялись в гуле крови. Я тянулась к дверной ручке, цеплялась пальцами за дерево, а другой рукой пыталась закрыть кольцо.

Воспоминание длилось одно мгновение.

Однако собственного голоса я не могла спутать ни с чьим.

Я кричала так, словно от этого зависела моя жизнь:

— *Не позволяй ему коснуться кольца!*

Глава 2. Седьмая попытка уйти

Крик оборвался вместе с воспоминанием, однако моя рука всё ещё оставалась в ладони Леонарда.

Я отдернула её так быстро, что кольцо зацепилось за сустав и больно царапнуло кожу. Леонард отступил на полшага, явно не понимая моей реакции, а я прижала пальцы к груди и несколько мгновений смотрела на него, пытаясь совместить двух мужчин в одного.

Передо мной стоял мой муж в светлой домашней рубашке, с книгой на краю кровати и привычной тревогой во взгляде. В памяти же ещё держался другой Леонард — тот, возле которого я цеплялась за дверь и защищала кольцо так, словно его прикосновение было опаснее самой ссоры.

— Агния?

Он произнёс моё имя осторожно и сделал движение ко мне, но остановился раньше, чем подошёл вплотную.

Это спасло меня. Если бы он снова протянул руку, я не знала бы, сумею ли сохранить спокойствие.

— Что случилось?

— Укололась.

Первое объяснение пришло само. Я подняла руку и показала тонкую красную полосу возле пальца, оставленную краем кольца.

Леонард нахмурился.

— Этим?

— Видимо, зацепилось.

Я старалась говорить обыденно, хотя собственный голос слышался мне чужим. Сердце колотилось, но не от того короткого видения, которое уже начинало тускнеть по краям. Страшнее было другое: женщина из воспоминания не сомневалась, что должна защитить кольцо именно от Леонарда.

Не от вора, не от случайного человека, не от какой-то внешней угрозы.

От мужа.

— Покажи, — попросил он.

Я невольно прижала ладонь к платью.

Леонард заметил.

Разумеется, заметил. Семь лет совместной жизни научили нас различать малейшие перемены друг в друге, и притворяться перед человеком, который знал мои привычки лучше большинства родственников, оказалось значительно труднее, чем я представляла ещё час назад.

— Царапина, Леонард. Я переживу.

— Я не сомневаюсь. Но ты ведёшь себя так, словно я собираюсь отнять у тебя руку.

Шутка прозвучала мягко, однако мне пришлось опустить глаза, чтобы он не прочитал в них слишком много.

— День получился странным.

— Это я уже понял.

Он не стал настаивать. Поднял книгу с кровати, положил на мою тумбочку и отошёл к шкафу. Я наблюдала за ним украдкой и пыталась понять, заметил ли он что-нибудь кроме моей нервозности.

Леонард снял жилет, аккуратно повесил его и принялся расстёгивать манжеты.

— Завтра ты всё-таки едешь к Эмме?

— Да.

— Во сколько?

Вопрос был обычным. Ещё вчера я ответила бы не задумываясь.

Теперь мне сразу вспомнилось письмо, где прежняя Агния просила не сообщать Леонарду о своих намерениях.

— Пока не решила. Утром посмотрю.

Он повернулся ко мне.

— Ты никогда не едешь к ней утром.

— Значит, будет повод начать.

— Хорошо.

Он согласился настолько легко, что мне стало неловко. За последние часы я превратила каждую его реплику в загадку: если спрашивал — мне чудился контроль, если уступал — подвох, если проявлял заботу — скрытая цель.

Так тоже нельзя было жить.

Даже если письмо правдиво, мне нужны были доказательства, а не страх перед каждым движением мужа.

Я потянулась к кольцу, собираясь снять его, но остановилась прежде, чем коснулась.

Леонард всё ещё находился рядом.

— Ты сегодня придёшь поздно? — спросила я.

— Куда?

— Спать.

Он усмехнулся.

— Если пытаешься выгнать меня из собственной спальни, можно сделать это менее изящно.

— Хочу ещё поработать.

— Сейчас?

— Остался перевод.

— Я думал, ты его закончила.

— Передумала.

Я ненавидела, как неуверительно это прозвучало.

Леонард некоторое время смотрел на меня, затем подошёл к столику и взял часы.

— Уже почти одиннадцать.

— Мне хватит часа.

— Агния, ты сегодня едва помнишь собственный день.

— Именно поэтому хочу закончить то, что начала.

В его лице появилось знакомое выражение, которое раньше обычно предшествовало спору. Леонард терпеть не мог, когда я работала по ночам, а я терпеть не могла, когда он пытался устанавливать мне распорядок. В первые годы мы могли ругаться из-за этого до рассвета, затем научились выбирать, какие битвы действительно стоят времени.

Сегодня он неожиданно уступил.

— Хорошо. Только не до утра.

— Постараюсь.

— Это не обещание.

— Потому что ты всё равно не поверишь моим обещаниям о работе.

— Здесь ты права.

Он подошёл, но на этот раз не попытался коснуться меня. Только задержался рядом и посмотрел на моё лицо.

— Если вспомнишь, что происходило днём, разбуди меня.

Мне пришлось приложить усилие, чтобы не спросить: «А если вспомню что-нибудь ещё?»

Вместо этого я кивнула.

Леонард ушёл в соседнюю комнату. Через некоторое время послышался плеск воды, затем скрип дверцы шкафа. Я оставалась возле окна до тех пор, пока не убедилась, что он не вернётся сразу, и только после этого осторожно сняла кольцо.

Серебряный ободок лёг на ладонь.

За семь лет он стал настолько привычной частью меня, что отсутствие его на пальце ощущалось страннее, чем само украшение. Я рассматривала маленький светлый камень, оправу, потемневшее серебро и пыталась увидеть то, чего раньше не замечала.

Кольцо выглядело совершенно обычным.

Леонард подарил его мне ещё до свадьбы. Тогда оно казалось неожиданно скромным для человека с его амбициями, но именно поэтому нравилось. У него не было ни богатого рода, ни наследства, ни возможности купить дорогой камень, и он шутил, что однажды заменит его чем-нибудь достойным супруги королевского дипломата.

Я каждый раз отказывалась.

Если кольцо действительно связано с моими провалами в памяти, значит, проблема началась не вчера и не несколько месяцев назад.

Но тогда почему первые годы брака я помнила так хорошо?

Мысль была неприятной, однако давала хотя бы одну точку опоры. Если кольцо представляло опасность само по себе, изменения должны были начаться гораздо раньше. Значит, либо я ошибалась, либо требовалось ещё что-то.

Я завернула украшение в платок и спрятала в карман.

До утра оставалось слишком долго, чтобы ждать.

Письмо прежней Агнии советовало не пытаться узнать всё сразу, но после вспышки памяти это требование стало почти невыполнимым. Мне нужно было понять хотя бы одно: что именно происходило с кольцом, когда Леонард касался его.

В переводческой комнате я зажгла две настольные лампы и достала тетрадь из нижнего шкафчика.

Слова на страницах теперь воспринимались иначе. Вечером я ещё могла убеждать себя, что записки оставляла женщина, ошибавшаяся в собственных выводах. После воспоминания у двери возможность ошибки никуда не исчезла, но между мной нынешней и прежней впервые протянулась связь.

Я видела то, что видела она.

Ощущала её страх.

И знала, что зелёное платье из вспышки памяти действительно существовало.

Я начала читать тетрадь внимательнее, уже не перескакивая через даты.

Некоторые записи занимали несколько строк. В них я отмечала пропавшие часы, разговоры, которые помнили другие люди, внезапно отменённые поездки и странные расхождения между тем, что рассказывал Леонард, и тем, что подтверждали слуги или Эмма. Ни одна улика сама по себе не доказывала ничего страшного. Вместе они складывались в картину, от которой становилось трудно дышать.

Особенно часто повторялось одно слово.

Кольцо.

«После четвёртого раза заметила: вечером мы спорили в кабинете. Леонард держал меня за руку. Утром я помнила спор иначе».

На следующей странице:

«Не могу снять кольцо надолго. Если держу без него руку несколько часов, серебро становится холодным. Проверить семейные реликвии Кроссов».

Ещё через две страницы:

«Спросила Леонарда, откуда кольцо. Ответил, что купил у старого мастера перед свадьбой. Раньше говорил, что оно принадлежало его матери. Возможно, я путаю. Нужно найти первое письмо после помолвки».

Я остановилась.

Этого разговора я тоже не помнила, но один из вариантов ответа был мне знаком.

Леонард действительно говорил, что кольцо принадлежало его матери.

Или мне казалось, что говорил?

Я закрыла глаза, пытаюсь восстановить сцену помолвки. Сад тёти, мокрые после дождя камни, руки Леонарда, которые дрожали сильнее моих. Я помнила его фразу о том, что кольцо недорогое. Помнила собственный смех.

Рассказывал ли он о матери?

Воспоминание не отвечало.

Я продолжила читать.

Последняя подробная запись была оставлена совсем недавно.

«Нашла упоминание о зеркале Кроссов. Оно хранится в семейном доме на Старой улице. Леонард утверждает, что зеркало декоративное и досталось от прапрадеда. В старом каталоге говорится иначе. Нужно проверить лично».

Ниже стояла приписка:

«Если опять забуду, начни с каталога столичных родов. Том девятый, раздел о брачных дарах».

Я подняла голову.

Каталог стоял в моём кабинете.

Не потому, что интересовал меня как семейная история. Несколько лет назад мне поручили перевод родословных орочьих домов, а человеческий каталог понадобился для сопоставления титулов и правил наследования.

Я отнесла тетрадь в кабинет и сняла с верхней полки тяжёлый девятый том.

Пыль на корешке отсутствовала.

Книгу брали недавно.

Я этого не помнила.

Поиск занял около четверти часа. Раздел о Кроссах оказался небольшим: род старый, но давно потерявший земли и большую часть состояния. Именно поэтому Леонард в молодости строил карьеру без помощи родственников.

В конце раздела находился перечень сохранившихся семейных вещей.

Зеркало упоминалось одним абзацем.

Я перечитала текст несколько раз, потому что старый составитель каталога выражался туманно, словно сам не до конца понимал назначение предмета.

Зеркало создали для брачного обряда одного из предков Кроссов. Оно должно было «сохранять согласие супругов, принимая то, что мешает семейному единству». Дальше следовали рассуждения о давно утраченном обычае, по которому муж и жена касались семейных знаков перед зеркальной поверхностью и подтверждали желание оставить прошлые распри позади.

Я нахмурилась.

Слова можно было истолковать десятком способов.

«Принимая то, что мешает семейному единству» могло означать символический обряд примирения, клятву, обычную семейную легенду.

Но рядом с тетрадью и сегодняшним воспоминанием фраза приобретала другое значение.

Я поискала дополнительную пометку.

На полях старой рукой было вписано: *«Работает только через предмет брачного дара, связанный с владельцем крови Кроссов»*.

Я посмотрела на свёрнутое в платок кольцо.

Ниже стояло ещё несколько слов, часть которых стёрлась.

Разобрать удалось только: *«выбранное воспоминание»*, *«прикосновение владельца»* и *«отражение»*.

Я закрыла книгу.

Теперь хотя бы становилось понятно, почему прежняя Агния боялась кольца. Однако знание не принесло облегчения. Напротив, в голову полезли вопросы, на которые каталог не отвечал.

Если Леонарду требовалось зеркало, почему вспышка памяти появилась сегодня в спальне, где зеркала Кроссов не было? Может быть, прикосновение к кольцу лишь вызвало след старого воздействия? Или семейное зеркало находилось в доме, а я о нём не знала?

Я встала и оглядела кабинет.

Обычное зеркало висело возле книжного шкафа. Я покупала его сама после переезда. В спальне тоже стояло моё собственное.

Семейный дом на Старой улице принадлежал Леонарду, но мы почти им не пользовались. Там жила престарелая управляющая, а несколько комнат служили хранилищем старых вещей. Я была там дважды, последний раз несколько лет назад.

По крайней мере, именно так я помнила.

Из соседней комнаты донёсся звук.

Я замерла, прислушиваясь.

Дом уже спал. Шагов не было.

Вероятно, дерево в стенах остывало после дневного тепла.

Я вернула каталог на полку и спрятала тетрадь. На этот раз кольцо надевать не стала.

Возвращаться в спальню не хотелось, но если Леонард проснётся и увидит меня под утро в кабинете, это вызовет больше вопросов, чем я была готова объяснять.

Перед дверью спальни я остановилась и вынула кольцо из кармана.

Надеть или оставить снятым?

Прежняя Агния предупреждала о прикосновении Леонарда, но я не знала, заметит ли он отсутствие украшения. За семь лет я почти никогда его не снимала.

В конце концов я вернула кольцо на палец.

Решение далось неприятно легко. Несколько часов назад я носила его как символ брака. Теперь — как часть маскировки.

Леонард уже спал.

Я легла на свою сторону и долго смотрела в темноту. Между нами оставалось привычное расстояние, которое раньше никогда не казалось большим. Теперь я слышала его дыхание и думала о том, сколько раз за последний год просыпалась рядом с ним, не зная, что накануне хотела уйти.

Если это правда.

Мне всё ещё хотелось сохранить это «если».

Без него пришлось бы признать, что мужчина, которого я любила семь лет, сознательно вмешивался в мои воспоминания.

Зачем?

Чтобы удержать?

Чтобы скрыть что-то?

И почему прежняя я возвращалась после каждой попытки?

Неужели потому, что Леонард стирал саму причину побега?

Ответ казался очевидным, но я боялась простых выводов. Слишком многое оставалось неизвестным.

Я не заметила, когда уснула.

Проснулась ещё до рассвета.

Первое, что почувствовала, — рука Леонарда на моей талии.

Он спал, повернувшись ко мне, и во сне придвинулся ближе. Когда-то мне нравилось просыпаться так. Особенно в первые годы, когда мы жили в маленьком доме и зимой экономили на отоплении.

Я осторожно убрала его руку.

Леонард не проснулся.

Утренний свет едва пробивался сквозь занавеси. Я накинула халат и вышла из спальни, стараясь двигаться бесшумно.

Сегодня мне нужна была Эмма.

Но прежде следовало решить, что спрашивать.

Если я появлюсь у неё и заявлю, что муж стирает мне память, это может закончиться истерикой, вызовом родственников и, возможно, немедленным разговором с Леонардом. Мне же пока требовались факты.

Я записала в маленький блокнот три вопроса:

Приходила ли я к тебе ночью зимой?

Почему несколько раз отменяла встречи?

Говорила ли я, что собираюсь уходить от Леонарда?

Потом подумала и добавила:

Что происходило перед тем, как я меняла решение?

На этом остановилась.

Когда я спустилась вниз, Марта уже была на ногах.

— Госпожа, вы так рано.

— Не спалось.

Она собиралась спросить что-то ещё, но я опередила:

— Экипаж мне сегодня не нужен. Я прогуляюсь.

— До госпожи Вальд?

Я посмотрела на неё.

Марта тут же опустила глаза.

— Простите. Я только подумала...

— Всё правильно.

Если она сообщит Леонарду, что я пошла к Эмме, ничего необычного в этом не будет. Вчера я сама объявила ему о планах.

На улице город ещё не успел проснуться окончательно. Торговцы только открывали лавки, мостовую поливали перед дневной жарой, а возле пекарни уже собиралась небольшая очередь.

Я шла быстро, стараясь не возвращаться мыслями к дому.

Эмма жила возле набережной в трёхэтажном доме, доставшемся ей от родителей. Мы дружили больше десяти лет. Она была одним из немногих людей, перед которыми мне не приходилось быть «женой Леонарда Кросса» или «переводчицей королевской канцелярии». Для Эммы я оставалась Агнией, которая в двадцать лет пряталась от скучных поклонников за колоннами на балах и однажды умудрилась порвать платье, перелезая через садовую ограду.

Дверь открыла её служанка.

Увидев меня, она удивилась.

— Госпожа Вальд ещё завтракает.

— Передай, что это важно.

Эмма появилась через несколько минут, завязывая пояс домашнего платья.

— Агния?

Сначала она улыбнулась, потом внимательно посмотрела на моё лицо.

— Что случилось?

— Можно войти?

— Конечно.

Она провела меня в маленькую гостиную, закрыла дверь и, не задавая вопросов, указала на кресло.

Я не села.

— Ты вчера писала мне, что больше не станешь делать вид, будто ничего не происходит.

Эмма побледнела.

Этого я не ожидала.

— Ты помнишь письмо?

— Помню, как прочитала. Не понимаю, что именно ты имела в виду.

Она долго смотрела на меня.

— Агния, ты опять ничего не помнишь?

Вопрос прозвучал настолько прямо, что подготовленные фразы исчезли.

— Что значит «опять»?

Эмма закрыла глаза, затем опустилась на диван.

— Господи.

— Эмма.

— Я обещала тебе, что не буду начинать этот разговор первой.

— Когда я взяла с тебя такое обещание?

— Три недели назад.

Я села напротив.

— Расскажи.

— Ты уверена?

— Нет. Но всё равно расскажи.

Эмма сжала пальцы.

— Три недели назад ты пришла ко мне вечером. Без экипажа, без служанки. С дорожной сумкой.

В груди стало тесно.

— И что сказала?

— Что уходишь от Леонарда.

Первый вопрос получил ответ.

Я наклонилась вперёд.

— Почему?

— Ты не сказала.

— Совсем?

— Сказала только, что наконец убедилась и больше не собираешься позволять ему решать, что тебе помнить.

Я перестала дышать.

Эмма заметила мою реакцию.

— Значит, сейчас ты уже знаешь хоть что-то?

— Нашла записку.

— Где?

— Неважно.

— Агния, если Леонард...

— Пока я не знаю, что именно делает Леонард. Поэтому мне нужны факты.

Она усмехнулась без радости.

— Ты говорила точно так же в прошлый раз.

— Что произошло потом?

— Ты осталась у меня.

— На всю ночь?

— Нет. До полуночи.

— Почему ушла?

Эмма отвернулась к окну.

— Леонард приехал.

Я почувствовала, как пальцы сами сжались на подлокотнике.

— Ты его вызвала?

— Нет. Он тебя нашёл.

— Как?

— Не знаю.

— Он вошёл сюда?

— Я не хотела пускать его. Ты попросила.

— Я?

— Да. Когда услышала его голос в прихожей, сказала, что поговоришь с ним пять минут и поставишь точку.

— Дальше?

Эмма долго молчала.

— Вы закрылись в библиотеке.

— Надолго?

— Минут на двадцать.

Двадцать минут.

Столько же Марта вчера отвела нашему дневному разговору.

— Когда вы вышли, — продолжила Эмма, — ты выглядела спокойной. Сказала, что всё было недоразумением и возвращаешься домой.

— И ты отпустила меня?

— Я пыталась остановить. Ты рассердилась.

— Что я сказала?

Эмма подняла на меня глаза.

— Что Леонард никогда не причинит тебе вреда и что я пытаюсь разрушить ваш брак.

Я откинулась на спинку кресла.

Эта фраза звучала как мои слова.

Именно так я могла бы ответить человеку, который стал бы без доказательств обвинять мужа.

— А на следующий день?

— Ты прислала мне записку с извинениями.

— Я помнила ночной визит?

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что через два дня спросила, почему я на тебя обижена.

В комнате стало настолько тихо, что слышался стук колёс на улице.

— Это был единственный раз?

Эмма покачала головой.

— Нет.

— Сколько?

— Я знаю о трёх.

В письме говорилось о шести.

Значит, остальные попытки я предпринимала без неё.

— Почему ты ничего не сделала?

Вопрос вырвался грубее, чем хотелось.

Эмма вздрогнула.

Я сразу пожалела.

— Прости. Я не должна...

— Должна. Я сама задаю себе этот вопрос.

Она встала и подошла к окну.

— После первого раза я решила, что вы поссорились и помирились. После второго начала задавать вопросы. Ты сама велела мне не вмешиваться, пока не будешь уверена. После третьего заставила пообещать, что, если снова забудешь, я не стану рассказывать всё сразу.

— Почему?

— Потому что боялась.

— Чего?

— Что Леонард поймёт, что я знаю.

Воспоминание из спальни вернулось неприятным уколом: моя рука на дверной ручке, пальцы Леонарда на запястье, отчаянный крик о кольце.

— Ты когда-нибудь видела наше кольцо после таких разговоров?

Эмма повернулась.

— Причём здесь кольцо?

Я достала руку из кармана.

Серебро тускло блеснуло в утреннем свете.

— Не знаю. Поэтому спрашиваю.

— Нет. Но однажды ты пришла без него.

— Когда?

— Во второй раз. Ты держала его в сумке.

— И что потом?

— Леонард приехал. Когда ты вышла из библиотеки, кольцо снова было на пальце.

Этого хватило.

Я поднялась.

Эмма подошла ближе.

— Куда ты?

— Домой.

— Агния, ты серьёзно?

— Мне нужно проверить одну вещь.

— Три недели назад ты тоже решила что-то проверить.

— И не помню этого. Я понимаю.

— Тогда останься здесь.

Предложение было заманчивым.

Очень.

Можно было закрыть дверь, отправить слугу в канцелярию, вызвать кого-нибудь из королевских магов и потребовать проверить кольцо.

Но если механизм действительно связан с родом Кроссов, неизвестно, кому Леонард успел рассказать свою версию происходящего. Кроме того, я уже знала, чем закончились две попытки спрятаться у Эммы.

— Если я останусь, он придёт.

— Пусть приходит. Я больше вас не оставлю одних.

— А если мне достаточно одного его прикосновения?

Эмма замолчала.

Я впервые произнесла это вслух.

Не обвинение. Не уверенность.

Только возможность.

И от этого она стала реальнее.

— Тогда сними кольцо.

Я посмотрела на серебро.

— Пока не могу.

— Почему?

— Потому что он заметит.

Эмма побледнела ещё сильнее.

— Ты боишься его.

— Я не знаю, боюсь ли Леонарда или того, чего не помню.

Это была самая честная фраза за всё утро.

Эмма взяла меня за руки.

— Что я могу сделать?

Я подумала.

— Если сегодня вечером я пришлю тебе сообщение, что всё хорошо и мы снова ошиблись, не верь сразу.

— Агния...

— Если завтра я скажу, что не приходила к тебе сегодня, тоже не верь.

— А если ты исчезнешь?

Вопрос заставил меня посмотреть ей в глаза.

— Тогда найди Органа Грейра.

Имя пришло в голову неожиданно.

Эмма нахмурилась.

— Орка?

— Да.

— Почему его?

Я сама ещё не знала ответа до конца.

Орган Грейр был главой одного из крупнейших пограничных родов и человеком, с которым мне приходилось работать дважды во время переговоров. Мы едва ли могли назвать друг друга знакомыми, однако одно я помнила хорошо: он относился к человеческим брачным законам с презрением и однажды при мне заявил королевскому представителю, что «человек, которому требуется закон, чтобы удержать женщину рядом, уже проиграл».

Тогда фраза показалась мне обычной орочьей грубостью.

Сегодня я слышала её иначе.

— Потому что Леонард не сможет приказать ему, — ответила я.

Эмма смотрела на меня так, словно хотела спорить, но передумала.

— Хорошо.

— И никому ничего не рассказывай.

— Даже если это окажется ошибкой, я всё равно однажды задушу твоего мужа за последние месяцы.

Я впервые за утро улыбнулась.

— Встань в очередь.

Обратно я шла другим маршрутом.

Не потому, что боялась слежки. По крайней мере, не хотела признаваться себе в таком страхе. Мне требовалось время.

Слова Эммы изменили всё.

Теперь записки подтверждал не только мой почерк. Другой человек видел, как я приходила с дорожной сумкой и объявляла о решении уйти. Видел, как Леонард приезжал за мной. Видел, как после двадцатиминутного разговора я менялась настолько, что обвиняла подругу в попытке разрушить брак.

И кольцо возвращалось на палец.

Я свернула к Старой улице раньше, чем успела окончательно решить, что делаю.

Семейный дом Кроссов находился в старой части столицы, где узкие здания теснились друг к другу, а над улицами нависали каменные балконы. После свадьбы Леонард предлагал поселиться здесь, но дом был тёмным, холодным и неудобным для моей работы. Мы выбрали новый район.

Ключ от старого дома у меня сохранился.

Управляющая открыла раньше, чем я достала его.

Госпожа Берта прожила здесь большую часть жизни и знала Леонарда ещё мальчиком. Увидев меня, она удивилась, но тут же пригласила внутрь.

— Госпожа Кросс, вы не предупредили.

— Я ненадолго.

— Господин Леонард с вами?

— Нет.

Её взгляд едва заметно изменился.

— Понимаю.

Мне не понравилось это «понимаю».

— Вы меня ждали?

— Вас? Нет.

— Я давно здесь не была?

Берта задумалась.

— Весной.

Я почувствовала, как всё внутри напряглось.

— Весной?

— Конечно.

— Одна?

— Сначала одна. Потом приехал господин Леонард.

Тот же рисунок.

— Мы ссорились?

Берта опустила глаза.

— Я не вмешиваюсь в семейные дела хозяев.

— Это не ответ.

— Тогда да.

— Что произошло?

— Вы просили открыть зеркальную комнату.

Мне больше не требовалось спрашивать, существует ли она.

— Где она?

Берта посмотрела на мою руку.

Точнее, на кольцо.

— Госпожа Кросс...

— Где?

— На втором этаже, в конце западного коридора.

Я пошла к лестнице.

Управляющая двинулась следом.

— Комната заперта.

— У вас есть ключ.

— Господин Леонард просил никого туда не пускать.

Я остановилась на ступени.

— Даже меня?

Берта молчала.

Этого оказалось достаточно.

— Ключ.

— Госпожа...

— Я жена владельца дома. Если Леонард будет недоволен, я сама с ним поговорю.

Собственные слова едва не вызвали горькую усмешку.

Берта всё-таки принесла ключ.

Дверь зеркальной комнаты находилась там, где она сказала. Я почему-то ожидала увидеть старую кладовую, но помещение оказалось просторным. Мебели почти не было: несколько закрытых шкафов, кресло возле стены и большое зеркало под тёмной тканью.

Я вошла одна.

Берта осталась в коридоре.

Ткань была тяжёлой. Я сняла её и отступила.

Зеркало занимало почти всю стену.

Старая серебряная рама потемнела, по краям шёл повторяющийся узор, похожий на переплетённые ветви. В самом центре рамы находился маленький знак.

Тот же, что был выгравирован внутри моего кольца.

Я никогда раньше не обращала на него внимания.

Теперь сняла кольцо и поднесла ближе.

Совпадение оказалось точным.

На нижней части рамы имелась надпись. Я протёрла её рукавом и разобрала старый семейный девиз:

«Сохранять то, что должно остаться. Отдавать то, что должно уйти».

В других обстоятельствах фраза могла показаться красивой.

Сейчас она вызывала отвращение.

Я подошла к зеркалу.

Отражение было обычным.

Уставшая женщина с тёмными волосами, бледным лицом и кольцом в ладони.

Я подняла украшение.

Поверхность зеркала дрогнула.

Не сильно. На секунду отражение потемнело, и где-то в глубине мелькнуло зелёное платье.

Я отступила.

В голове раздался шум.

Потом появился образ.

Не короткая вспышка, как вчера.

Целая сцена.

Я стояла в прихожей нашего дома с дорожной сумкой.

На мне было серое пальто, волосы собраны кое-как, а пальцы настолько дрожали, что я дважды промахивалась мимо застёжки.

Леонард стоял возле лестницы.

— Ты никуда не поедешь в таком состоянии.

— Я решила.

— Агния, послушай себя.

— Я слушала тебя достаточно долго.

— Что ты собираешься делать?
— Уехать к Эмме. Потом найду жильё.
Леонард сделал шаг.
Я отступила.
— Не подходи.
Его лицо изменилось.
В нём не было злости.
Только боль.
— Ты правда думаешь, что я причиню тебе вред?
— Я думаю, что каждое утро после наших самых страшных ссор просыпаюсь и не понимаю, почему вчера хотела от тебя уйти.
— Ты устала.
— Не смей.
— Я пытаюсь помочь.
— Именно это ты говоришь каждый раз.
Я дёрнула дверь.
Леонард схватил меня за запястье.
На пальце блеснуло кольцо.
— Отпусти.
— Посмотри на меня.
— Отпусти!
— Агния, ты пожалеешь об этом.
Я вырвала руку, и кольцо упало на пол.
Леонард замер.
Я тоже.
Серебро лежало между нами.
Тогда я впервые увидела страх на его лице.
Не страх потерять жену.
Страх того, что кольцо оказалось вне его досягаемости.
Я подняла его быстрее.
— Не трогай меня.
— Агния...
— Я ухожу.
— Ты не понимаешь, что делаешь.
— Возможно. Зато завтра я хочу помнить, что сделала это сама.
Воспоминание оборвалось.
Я пришла в себя возле зеркала, вцепившись рукой в край шкафа.
Берта звала меня из коридора.
— Госпожа?
— Всё хорошо.
Голос прозвучал хрипло.
Я смотрела на зеркало.
Теперь я знала.
Я действительно собирала вещи.
Действительно стояла перед Леонардом.
Действительно пыталась уйти.
И он знал, что на следующий день я могу перестать помнить собственное решение.
Внутри поднялась волна такого холодного гнева, что страх на несколько мгновений отступил.

Хотелось вернуться домой, бросить кольцо перед ним и потребовать правду.
Но прежняя Агния уже делала это.

Шесть раз.

И шесть раз проиграла.

Я накрыла зеркало тканью.

В коридоре Берта смотрела на меня с тревогой.

— Госпожа Кросс, вам лучше сесть.

— Нет.

— Вы побледнели.

— Я уже была здесь весной. Что произошло после того, как приехал Леонард?

Она колебалась.

— Вы долго разговаривали.

— Здесь?

— Да.

— Перед зеркалом?

Берта опустила взгляд.

— Когда вы вышли, вы попросили меня больше никогда не открывать эту комнату без разрешения мужа.

Этого я тоже не помнила.

— Что было на следующий день?

— Вы прислали цветы.

Я едва не рассмеялась.

— Кому?

— Мне. С запиской, что просите прощения за вчерашнюю сцену и всё уладили.

Седьмая попытка ещё не состоялась.

Но если бы я сегодня пошла к Леонарду с вопросами, возможно, завтра отправляла бы Берте очередные цветы.

Я вышла из старого дома.

На улице уже былолюдно. Возле перекрёстка спорили два торговца, проехала карета, кто-то окликнул знакомого через дорогу.

Я стояла среди обычного утреннего города и впервые совершенно ясно понимала: домой я вернуться могу, но оставаться там нельзя.

Не после того, что увидела.

Проблема заключалась в том, что уйти недостаточно.

Я уже уходила.

Леонард находил меня.

Человеческий брак давал ему слишком много возможностей потребовать моего возвращения, особенно если он объявит, что жена находится в смятении и не способна принимать решения. При его положении во дворце найдётся достаточно людей, которые поверят ему раньше, чем мне.

Я шла по улице, перебирая варианты.

Эмма не подходила.

Гостиница — тем более.

Уехать из столицы? Леонард найдёт.

Обратиться к королю? Сначала придётся доказать невозможное, а до этого я останусь его законной женой.

И тогда в памяти всплыл разговор, который несколько лет назад казался мне всего лишь профессиональной любопытной деталью.

Переговоры с орками.

Длинный стол.

Возмущённый человеческий советник, споривший о брачных обязательствах.

Орган Грейр сидел напротив меня и лениво вращал в пальцах металлическую застёжку плаща.

Советник заявил:

— Женщина не может выйти из брака только потому, что решила перейти под защиту другого рода.

Орган поднял глаза.

— У людей — не может. У нас — может.

Я тогда переводила его слова королю и ещё уточнила значение, потому что решила, что неправильно поняла.

Не ошиблась.

По орочьему праву свободная женщина, добровольно вступившая в другой род через признанный брачный договор, переставала подчиняться прежним семейным обязательствам.

Это правило возникло после древних межродовых войн и сохранилось даже в современных договорах.

Тогда оно казалось дикостью.

Сегодня — выходом.

Я остановилась посреди мостовой.

Возница раздражённо крикнул, чтобы я убралась с дороги.

Я шагнула к тротуару.

Орган Грейр.

Из всех людей и орков, с которыми я работала, он был последним, к кому хотелось обращаться за помощью. Мы не были друзьями. При первой встрече он заявил, что человеческие переводчики превращают три орочьих слова в десять, чтобы оправдать свою зарплату. Я ответила, что орочьи переговорщики говорят тремя словами потому, что четвёртое им приходится долго подбирать.

После этого он потребовал, чтобы на следующих переговорах переводила только я.

Он жил в столице временно, в орочьем представительстве возле восточных ворот.

Если закон по-прежнему действовал, мне требовался не побег.

Мне требовался договор.

От этой мысли стало страшно уже по другой причине.

Брак с орком.

Даже временный.

Даже формальный.

Я представила Леонарда, когда он узнает.

Потом вспомнила себя возле двери с дорожной сумкой.

Четыре раза я дошла до ворот.

Дважды уехала.

И каждый раз возвращалась.

Седьмая попытка должна была отличаться от предыдущих.

Я направилась домой, потому что для договора нужны были документы, а главное — мне требовалось понять, сколько времени остаётся.

Ответ обнаружился быстрее, чем хотелось.

На столе в гостиной лежало приглашение, которое я вчера уже держала в руках и не прочитала до конца.

Плотная кремовая бумага, герб Кроссов, дата.

Ежегодный семейный вечер памяти рода.

Я знала этот обряд.

Раз в год Леонард посещал старый дом, открывал зеркальную комнату и подтверждал связь с родовыми реликвиями. После свадьбы он несколько раз брал меня с собой. В последние годы я почему-то перестала присутствовать.

Или мне казалось, что перестала.

Внизу приглашения стояла завтрашняя дата.

Я перевернула лист.

Моей рукой на обороте было написано одно предложение, оставленное настолько сильным нажимом, что перо местами прорвало бумагу:

«Если к семейному вечеру ты всё ещё здесь, он сможет начать заново».

Я долго смотрела на строчку, а затем подняла глаза на часы.

До заката следующего дня оставалось меньше суток.

Значит, на этот раз мне нельзя было просто собрать дорожную сумку и дойти до ворот.

До завтрашнего семейного обряда я должна была перестать быть женой Леонарда Кросса.

Глава 3. Жена орка по договору

Решение казалось огромным, но дом вокруг оставался прежним. Часы в гостиной продолжали отсчитывать время, за окнами догорал день, в коридоре кто-то из слуг прошёл к лестнице. Только я уже не могла смотреть на эти комнаты так, как смотрела ещё вчера.

Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять: собирать вещи я не стану. Шесть предыдущих попыток начинались именно с этого. Дорожная сумка, плащ, решение добраться до Эммы или уехать из столицы — а потом Леонард находил меня, говорил со мной, касался кольца, и на следующий день женщина, которая хотела уйти, исчезала из собственной памяти. Седьмой раз должен был отличаться хотя бы тем, что я не оставлю ему привычного следа.

Я поднялась в кабинет, положила приглашение на семейный вечер рядом с тетрадью и достала из шкафа папку с личными документами. Свидетельство о рождении, подтверждение квалификации переводчика, королевский допуск к пограничным переговорам — всё это выглядело насто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.